

С. А. АУСЛЕНДЕР

Печальные воспоминания (о большевиках)

<Фрагменты>

Ленин и Троцкий¹

I

Сиамские близнецы

На днях в газетах промелькнула телеграмма, что Троцкий арестовал Ленина. Сейчас по жуткой иронии судьбы для нас Москва и Петроград — страны более недостижимые, чем острова Таити, получить достоверные известия оттуда труднее, чем из Австралии. Но если этого еще и не случилось, то это неизбежно должно случиться, они должны в конце страшной своей эпопеи пожрать друг друга, эти два каторжника, прикованные к одной тачке, так неразрывно связанные друг с другом и такие различные, ненавидящие друг друга.

Трагедия взаимоотношений Ленина и Троцкого представляется мне схожей с трагедией сиамских близнецов — они не могут существовать один без другого, один, погибая, потянет к смерти другого, и эта проклятая связанность должна еще больше усиливать раздражительное чувство зависимости.

Если подтвердится эта телеграмма из Пекина о событиях в Москве (о, злая), если один из близнецов уже занес нож на своего ненавистного брата, значит, что конец уже близок, уже, значит, поднялся занавес перед пятым актом кровавой, неслыханно потрясающей мелодрамы; еще несколько монологов, несколько новых трупов, и злодеи, как полагается во всякой доброй мелодраме, получат должное возмездие за все бесчисленные преступления, от которых в течение пяти актов кровь холодела в жилах зрителей.

Конечно, сейчас не время еще давать исчерпывающие характеристики героев, чья недвусмысленная слава заставила повторять их имена весь мир, да и слишком много темного, невыясненного во всех этих историях, достойных Рокамболя², в которых так много

крови, больших и малых преступлений, сложных предательств и много такого, что не снилось даже автору Пинкертону.

Когда-нибудь все это будет благодарнейшей темой для кропотливых историков и романтических поэтов, напишутся много тяжелых томов исследований и сколько романов, драм, быть может, — фарсов.

Когда я был в Москве, какое-то болезненное любопытство преследовало меня. Мне хотелось разгадать, пояснее узнать все то жуткое и мерзкое, что происходило, я должен был увидеть их живыми, слышать их голоса, по глазам постараться понять то, что почти нельзя понять.

Я не пытаюсь дать законченных портретов, только легкие, как бы карандашные эскизы успел я сделать в те незабываемые, жуткие минуты, когда мне удалось после долгих усилий увидеть их — Ленина и Троцкого.

<...>

Троцкий

В окне конторы «Известий» на Тверской (бывшая «Русского слова») рядом с портретами Маркса и Ленина красуется огромный, отлично сделанный портрет жгучего брюнета с узкой бородкой а la чёрт, поэтически разметанными кудрями, изогнутыми бровями, горбатым носом и наглыми, презрительными губами.

Какая-то старуха в теплом, рваном платке долго слезящими глазами разглядывала сатанинский облик, перекрестилась и заплевалась: «Тьфу, тьфу, окаянный, последние антихристовы времена пришли, вместо икон какую-то нечисть показывают...»

Она и не знала, наверное, кто этот неведомый наглец, но что-то она знает, что-то понимает, чего нам, ученым, мудрым, не понять...

В душные июньские сумерки висел я на ступеньке трамвая, ехал на митинг в Сокольники³. В трамвае толкались озлобленно, каждый каждого готов был спихнуть с площадки, ругались, охали, скулили, газетчик кричал пронзительно: «Шестнадцать смертных приговоров трибунала». От пота, от духоты кружилась голова и потом слабость, голодная вечная слабость медленного умирания. Уже не хотелось думать, возмущаться — всем все равно.

В низкой, накуренной зале душно, нестерпимо душно, тускло горят лампы, бряцают хвастливо оружием, щелкают затворами

выпившие наглые и настороженные парни во френчах, сквернословят, хохочут, кричат: «Правильно». А у публики лица серые, потные, изнеможенные, озлобленные.

Выступают местные комиссары, в чем-то убеждают, к чему-то призывают, а в толпе глухо и мрачно бродит волнение. Прерывают нетерпеливо ораторов: «Хлеба дайте. Дети с голода умирают. Довольно вас слушали».

Красноармейцы оглядывают протестантов угрожающе и вызывающе, судорожно сжимают револьверы.

В открытые окна не льется прохлада, тяжелые низкие тучи нависли, далекие зарницы прорезают черное небо.

Все напряжено, все доведено до последней черты. Кажется — вот-вот прорвутся голодный гнев, безжалостная ярость на злых обманщиков, давших только голод, смерть, насилие. Кажется, что не сдержать уже больше всем этим комиссарам, которые сами бледнеют от страха перед этой смятенной, изнемогающей толпой, не сдержать им больше всех этих почерневших от истощения, доведенных до последнего отчаяния обманутых, которые жестоко отомстят за обман, за месяцы омрачения. Красноармейцы оглядываются менее нагло и более трусливо сжимают свои винтовки.

И вот в этой накаленной до последнего градуса атмосфере появляется он — Лев Троцкий-Бронштейн. Появляется как-то по-театральному неожиданно, будто из люка выскочил.

«То-ва-ри-щи!» — голос пронзительный, почти оглушает, ошеломляет, заставляет невольно прислушиваться и замолчать. Будто огненная лава, несутся слова, голос гремит, иногда срывается, от движений исступленных со звоном падает стакан, он стучит кулаками по столу, он фозит всем непослушным.

Красноармейцы приосанились, он обещает им так много веселой, кровавой работы.

Лицо наглое, презрительное, перекошенное какой-то судорогой.

Он говорит только об одном — крови, крови и крови. Он хвастается бесстыдно своими палаческими подвигами. Он издевается над трупами замученных. Сладострастие опьяняет его, и это опьянение передается толпе. Ведь все так просто — еще убить, еще пограбить, и все будет наше.

«Если нужно триста миллионов голов, мы, не задумываясь, срежем эти миллионы...»

Он омерзителен, он нестерпимо гадок — этот сатана в безвкусно-приказчиьем красном галстуке, он не может вызывать иного чувства даже у этих ослепленных, разгоряченных голодом и жадностью к грабёжам, насилиям, убийствам своих рабов, но они пойдут за ним, так как он умеет разбудить в них все самое черное, самое гнусное.

Если о Ленине еще возможны различные мнения, то о Троцком даже самые заядлые коммунисты не говорят иначе, как с каким-то стыдом и презрением.

Его личность не вызывает никаких сомнений. Это негодяй чистойшей воды, никогда особенно даже не старавшийся принимать благородные позы. Его заграничные приключения — это сплошная цепь уголовных больших и малых гнусностей. Товарищеским судом он был судим за кражу часов, он обвинялся в растлении, политические интриги его были самого низкого, грязного сорта, с германскими шпионами он был достаточно близок еще до войны⁴.

Но он умел нагло поднимать голову и цинично смеяться над тупыми буржуазными моралистами.

Он — сверхчеловек, сверхаферист, сверхпреступник.

Нестерпимое кощунство — что к своим делам он примешивает слова о благе народном и любви к людям, хотя бы в специфическом большевистском значении этих святых слов.

Впрочем, эти официальные слова он говорит резко, пафос его речей — это пафос ненависти и крови. Мелкомстительный и трусливо беспощадный профессиональный палач (не убийца, а только палач беззащитных), он умеет угрожать и манить на преступления. Его боятся и за ним идут те, для кого соблазнительны черные цветы зла.

Но, кроме этого страшного, есть в Троцком-Бронштейне нечто непередаваемо смехотворное. Дурного тона эlegantность, утрированная гримировка под демоническую личность и пожирателя женских сердец, наглая развязность выскочки, самоуверенная самовлюбленность — все это делает его схожим с коммивояжером, разыгрывающим из себя светского льва, или с кем-нибудь еще похуже — «интересным мужчиной» с темным прошлым, настоящим и, конечно, будущим.

Тогда как у других его коллег по кабинету я все же замечал известное чувство меры и приличия, — Троцкому эти деликатные

ощущения незнакомы. Он разваливается в кресле (в прямом и переносном смысле), готов положить ноги на стол, во всех жестах, в выражении лица чувствуешь только одно — невыносимую, карикатурную пошлость зазнавшегося наглеца.

Все эти парады и смотры Троцкого, вся эта пышность его появлений, окруженного блестящей свитой красных генералов и офицеров, — все это такой грубый, безвкусный балаган, балаган, над которым, к сожалению, нельзя смеяться, так как он слишком отвратителен.

Лев Троцкий-Бронштейн может гордиться — он, международный аферист, покорила под ноги всю Россию, он приказывает расстреливать старых боевых генералов, проливавших кровь за славу Великой России, он живет в Кремлевском дворце и командует русской армией.

Кому пришлось его видеть хоть мельком, тот, верно, никогда не забудет и долго не сможет отделаться от удушающего ощущения тошноты, как бывает, когда случайно прикоснешься к жабе или другому непереносимо мерзкому животному.

IV

Они уничтожат друг друга

Ленин и Троцкий — альфа и омега советской власти.

Не будь их, неизвестно еще, мог ли бы большевизм принять такие организованные формы. Все, что окружает их, — это мелкота, покорно идущая за своими вождями.

Правительство Керенского избавило, быть может, от многого бы Россию, если бы по своей мягкотелости и безвольному прекраснодушию не позволило этим героям продолжать на свободе их страшную работу.

Но, впрочем, стоит ли вспоминать прошлое? Ленин и Троцкий дополняют один другого.

Ленин — это мозг большевизма, изворотливый, хитрый, твердый мозг, который найдет точные логические формулы для всего самого отвратительного, который сумеет оправдать самое непростительное и безумное.

Троцкий — исполнитель, не задумывающийся ни перед чем, прекрасно понимающий всю притягательную силу убийств, насилий, грабежей, умеющий разжигать все самое темное

и святотатственно-сладолюбивое, сам опьяняемый своим мастерством палач.

Но в одной берлоге трудно ужиться двум медведям.

Еще в заграничных аферах их столкновения бывали довольно резки.

В международном социалистическом скандале, описанном в капитальной строго исторической (изданной в Москве и не конфискованной) книге «Большевики по документам охраны» (изд [ательство] «Задруга»), в этом скандальном процессе Троцкий выступил с обвинением Ленина в присвоении партийных денег.

Социалисты всех стран были приглашены на товарищеский суд, и после долгого разбирательства суд признал обвинения Троцкого правильными и постановил, чтобы деньги Лениным были возвращены Центральному комитету (Ленин наплевал на всех столпов социализма и денег не отдал).

По тактическим соображениям они заключили перемирие — они слишком были необходимы один другому.

Но внутри, за старыми стенами Кремля, не раз происходили заседания весьма бурные.

Им трудно было поделить власть, да и, по существу, они слишком различны⁵.

Ленин все-таки, пусть безумный маньяк, готовый на преступления для достижения своих целей (ведь он верит твердо, что истину-то, формулу, математически неопровержимую, он знает), все-таки это человек мысли и идеи.

Троцкий — откровенный и наглый предводитель разбойнических банд, преступник по профессии, по призванию, по страсти.

У Ленина есть все-таки доля благоразумия, рассудительности, он, не задумываясь, разрежет кролика, необходимого для опыта, но он не будет с садистским упоением убивать бесцельно, мучить бесполезно. Если он окончательно убедится, что опыт не удался, он, быть может, найдет в себе капельку честности, чтобы громко заявить об этом.

Троцкий же добровольно не откажется от своего права на безнаказанные преступления.

Уже в июле Ленин заговаривал об отступлении в подполье, чувствуя, что кровавый кошмар сметает все его логические выкладки.

Тогда Троцкий решительно, в угрожающем тоне запротестовал против этого — он еще имел возможность повластвовать, попользоваться, попировать на красных кровавых пирах.

Мы не знаем, что делается сейчас там, в Москве, в Петрограде, воображение отказывается нарисовать эти фантастические, страшные картины. Несомненно, что голод, кровавая оргия — все это усиливается до пределов, которые уже нельзя себе даже представить. Пьяное безумие разливается все шире, и уже палачам трудно отличить своих от врагов.

Настал или скоро настанет час, когда они начнут уничтожать друг друга, озверелые, обезумевшие, опьяненные. В сущности, все равно, кто арестует кого — Ленин Троцкого или Троцкий Ленина (а, думаю, последнее вернее).

Страшная мелодрама их должна кончиться таким финалом, которого не придумать ни одному самому изощренному в ужасах, самому гениальному драматургу.

